

1 стр. ПЕРЕДОВАЯ. Важная задача. ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ. Информация. ПОДГОТОВКА К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА. Информация.

Важная задача

За короткий сравнительно путь своего развития советскому литературоведению пришлось выдержать немало идеологических боев. Не так давно шла борьба против меньшевистствующего идеализма и вульгарных социологов. И сейчас еще продолжается описка истории литературы от следов оставленных «школой Покровского».

Внешний этап развития нашего литературоведения характеризуется закреплением завоеванных марксистом-ленинистских теоретических позиций. Происходит многосторонний процесс обогащения марксистско-ленинской науки о литературе новыми данными и материалами.

Если обратиться к фактам, можно увидеть исчерпывающее подтверждение этому. Выросли новые кадры научных работников. В высших учебных заведениях созданы десятки специальных кафедр.

Но если мы вспомним, что нам предстоит по существу заново пересмотреть, переосмыслить историю всей мировой литературы, повернуть критическому анализу материалы художественного творчества всех народов земли, во все века их существования, то даже такой грандиозный размах научно-исследовательской деятельности, какой мы наблюдаем в настоящее время в СССР, нас не удовлетворяет.

Наша исследовательская работа в области литературы не может ограничиться лишь собиранием фактов. Она должна быть проникнута смелостью и широтой в постановке проблем, должна обладать силой обобщения. Примером смелого подхода к задачам литературной науки был и остается для нас Алексей Максимович Горький.

Его доклад на первом съезде писателей это — замечательный образец широкого обобщения литературных процессов у всех народов, обобщения, в основу которого положена была революционная роль народного труда.

«Наша цель — организовать литературу, как единую культурно-революционную силу». В данном случае Горький имел в виду не только литературу как процесс создания новых художественных ценностей, но и науку о литературе, ее историю, ее теорию.

ГОРЬКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

В музее Горького 19—20 июня состоялось Горьковское чтение Института мировой литературы. Чтения открылись докладом Б. Валика — «Горький, Ленин, Сталин».

Тема эта, — заявил он, — стоит не только перед биографами Горького, но и перед исследователями его творчества. Скрещение жизненных путей Горького, Ленина и Сталина, их идейная связь дают верный ключ к пониманию творчества великого пролетарского писателя.

Пользуясь отчасти неопубликованными данными, Б. Валик восстанавливает полнокровную картину неразрывной дружбы, связывавшей в течение многих лет Горького с Лениным и Сталиным.

Творческой мечтой Горького в последние годы его жизни было написать биографию товарища Сталина. Он готовился к этой задаче, собирал для нее ма-

Можно, например, всячески приветствовать переход в науку литературных критиков, писателей и переводчиков. Не переложить надо ставить и требования, какие предъявляются к научному работнику. Нельзя же выдвигать за научные работы написанные некоторыми критиками и переводчиками комплиментарные статьи, хотя бы на них и была марка научных институтов. Наука есть наука. Более, чем где-либо, тут нетерпима поверхностное знание предмета и споролюбивые обобщения. Она не терпит также конъюнктуры. Между тем нередко так называемые популяризаторские работы, появляющиеся в дни юбилеев, искажают историко-литературные факты. Страдают от этого, конечно, и интересы науки, и интересы читателя, получающего вместо подлинной науки ее суррогат.

Вместо того, чтобы предъявить высокие требования молодым ученым, в институтах часто применяют к ним своеобразную «систему скидок». Для получения степени (кандидатской) молодому ученому обычно бывает достаточно продемонстрировать лишь свои научные приемы. Исследовательская задача при этом облегчается путем сужения темы или объема материала.

Серьезного внимания заслуживают тематика и идейное направление научной работы в литературе. В последние годы обострился весьма благоприятный сдвиг в сторону современности. Однако долготерпимое пренебрежение современной темой сказывается довольно сильно и в настоящее время. Очень долго что-то длится подготовка Института мировой литературы им. Горького большой «Истории советской литературы». свыше года тому назад союзы писателей Украины, Грузии, Азербайджана, Армении вознамерились издать очерки своих национальных литератур за советский период. Но до сих пор этих очерков нет.

Неожиданно иногда появляются работы, не только слабые по своей научной квалификации, но и неумные, ничемные по своей теме. Разумеется, выбор темы не всегда служит окончательным критерием оценки научного произведения. Но тема — это направление. Мы заинтересованы, чтобы это направление было близко жизненным интересам народа. Наука о литературе не может развиваться в стороне от жизни, она призвана двигать вперед жизнь. Почему же находят научные связи для разработки, допустим, вопроса о характере русского реализма XVIII века, и не находится ни средств, ни внимания, чтобы поставить тему Родины в произведениях русских писателей XIX и XX веков?

Достаточно с большими требованиями подойти к значительному числу работ по литературе, чтобы убедиться, как много еще неизжитой живности лежит на пути. Псевдоотечественность и лжеученость любят прикрываться отвлеченными рассуждениями в бесчисленных предложениях, сводить дело к мертвому накоплению и описанию фактов. Горький говорил, что «ничтожество книжно-газетного знания особенно ярко обнажается в наши дни быстрой сменой действительности, обилие разнообразных деиный... Из всех чужих мыслей, которыми пользуются критики, они, видимо, совершенно забыли пенейшую мысль Энгельса: «Наше учение — не юрма, а руководство к действию».

«Действие» должно быть организованным. Настала пора институты Академии наук и Институт мировой литературы имени Горького сделать центрами, штаб-квартирами, объединяющими все научно-исследовательские начинания и дающими общее направление и идейный тон всей нашей науке о литературе.

Первое требование к нашей науке о литературе — это идейно-теоретическая мобильность и возмужество, бдительность ко всему идейно чуждому. Глубоко идейная направленность литературной теории — основа ее дальнейшего роста и успеха всей огромной научно-исследовательской работы, которая ведется в нашей стране.

гернал, но преждевременная смерть писателя помешала осуществлению его замысла.

Е. Тагер охарактеризовал то новое, принципиальное звучание, подлинную реалистическую полноту, какое после символизма приобретает слово в произведениях Горького.

И. Эльберг выступил с докладом о новаторстве Горького и классических литературных традициях.

О композиции образа князя Самгана сделал доклад Г. Чесноков.

Н. Белкина выступила с сообщением о неопубликованных прозаических произведениях, входящих в подготовленный к печати IV том «Архива Горького».

На вечера памяти А. М. Горького в Зеленом театре Центрального парка культуры и отдыха (Москва). На снимках: слева в президиуме — А. Толстой, О. Шмидт, П. Павленко, К. Федин и К. Тренин; справа — слушают доклад.

На вечера памяти А. М. Горького в Зеленом театре Центрального парка культуры и отдыха (Москва). На снимках: слева в президиуме — А. Толстой, О. Шмидт, П. Павленко, К. Федин и К. Тренин; справа — слушают доклад.

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ

Вечер в Зеленом театре

Конференция по драматургии

В день пятой годовщины со дня смерти Алексея Максимовича Горького трудящиеся Москвы заполнили бесчисленные ряды Зеленого театра в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького. Двадцать тысяч человек по установившейся уже традиции приняли участие на торжественном вечере памяти великого писателя, устроенном Академией наук СССР, Союзом советских писателей и Всесоюзным комитетом по делам искусств при СНБ СССР.

Вечер открыл вице-президент Академии наук СССР О. Ю. Шмидт, предложивший почтить вставанием светлую память Алексея Максимовича.

Когда смолкли последние аккорды шопеновского марша, с речью выступил Алексей Толстой.

— Сегодня траурный день пятилетия смерти Максима Горького, — сказал он. — Великий пролетарский писатель оставил нам заветы, которые мы должны помнить на нашем пути построения культуры бесклассового общества.

Литература нашей родины должна быть на высоте идей и практики строящегося коммунизма. Она должна быть достоянием всей страны; глубокие общественные процессы должны найти в ней адекватное отражение. Для этого у нас — все предельно и возможно.

Приводя высказывания Горького о советской художественной литературе, вспоминал его мудрые слова о задачах критики, о литературе братских республик. А. Толстой говорил:

— Все, что сказано Горьким пять и более лет тому назад, остается в силе и по сей день. У нас — значительные сдвиги в литературе, и строго стало наше отношение к искусству. Но всего этого мало, недостаточно для нашего двухсотмиллионного народа, строящего коммунизм.

Великий пролетарский писатель заметил веки на пути искусства создающегося нового мира. Нужно видеть эти веки и жить по ним.

С докладом на тему «Великий пролетарский писатель» выступил затем академик Ем. Прохоровский.

— В девяностых годах прошлого столетия, — говорит он, — когда в России стала складываться партия нового типа — партия революционного марксизма, в русской литературе с большой силой и муж-

еством прозвучал голос, зовущий к борьбе. Русская литература обогатилась великим писателем, прекрасным художником — Горьким, выразителем человеческого стремления пролетариата, из среды которого вышел он сам.

Повец революции, активный участник подпольной работы и зрелый сторонник большевистской партии, неутомимый организатор и сотрудник большевистских изданий, пламенный защитник советского социалистического государства, друг вождя революции Ленина и Сталина — таким рисует Т. Ярославский Алексея Максимовича Горького.

Ленин помог Алексею Максимовичу духовно расти, бороться за его здоровье, ценил в нем великого художника, ибо Горький первый в мировой литературе распустил дорожку для пролетарской культуры. Дружба Горького с Лениным и Сталиным возникла и окрепла на почве общих идейных устремлений этих великих людей.

— Мы потеряли писателя, — заключает свою речь Т. Ярославский, — который десятилетиями был связан с революцией, был ее певцом. Браги не могли простить ему глубокой преданности делу коммунизма. Они вырвали Горького из наших рядов. Но вырвать его из сердца народа они не могут, ибо нет силы, которая могла бы заглушить его голос, призывающий людей создавать новую жизнь на земле.

С воспоминаниями об Алексее Максимовиче выступил К. Федин, прочитавший главу из первой части своих мемуаров «Горький среди нас», в которой описывается встреча Алексея Максимовича с Лениным на Втором конгрессе Коминтерна.

К. Федина смекает на трибуне Л. Касилья. Он делится воспоминаниями о встрече великого писателя с грузинскими ребятами — дружной командой юных литераторов, которая звалась «Базой курносых», и подробно воспроизводит рассказанный Горьким эпизод из его детства.

Выступивший затем В. Шкловский говорил о встрече Горького с Маяковским и об отношении великого писателя к молодым литераторам.

В концерте, которым закончился вечер, в числе других номеров программы были исполнены стихотворение «Песня о Соколы» Эм. Камилевой и сцена из пьесы «Метане» артистами Театра Красной Армии.

Ежегодно создаваемая Всесоюзным театральным обществом конференция, посвященная драматургии А. М. Горького, состоялась на-днях в Доме актера. На ней присутствовали актеры и режиссеры московских и периферийных театров, кинематографы, литераторы и научные работники театральных вузов.

С большим содержанием докладом на тему «Ленин и Горький» выступил на конференции Б. Валик. В своей научной работе он привнес многоотраслевные знания и факты из множества кружков двух великих людей, которая дала во последнюю ступень жизни Владимира Ильича. Личное общение и переписка Ленина и Горького, любящих и глубоко уважающих друг друга, затрагивала все основные политические и философские проблемы современности. На этих материалах Т. Валик

показал, какое огромное влияние оказывал Ленин на творчество писателя и как сам он пользовался в своих работах произведениями Горького.

Проф. М. Григорьев в своем выступлении подверг анализу горьковские спектакли московских и периферийных театров. Заканчивая свой обзор, он пришел к выводу, что культура постановок горьковских пьес — перелача со сцены их идейного и философского содержания, языка и психологической характеристики образов — с каждым годом становится выше.

Мало изученной проблеме в драматургии Горького — композиции его пьес — посвящала свое выступление Б. Алтерс.

С большим интересом были выслушаны на конференции воспоминания К. Федина о встречах с М. Горьким.

Воспоминания рабочих «Трехгорки»

В клубе «Трехгорной мануфактуры» (Москва) состоялся большой вечер памяти Алексея Максимовича Горького.

С воспоминаниями о великом пролетарском писателе выступили старые кадровые рабочие. Они рассказывали о той горячей и любовной встрече, которую устроил текстильщик Горькому, когда он приехал к ним на «Трехгорку».

— Мне повезло, — вспоминает т. Хрупанова, — быть участницей этой встречи. В трибуне, где находился Горький, подошла маленькая девочка с большим букетом роз. Она должна была привествовать его, но, видимо, большое количество народа смутило ее, и она стала растерянной и молчала. Тогда Алексей Максимович пошел к ней, взял ее на руки, расцеловал и сказал, обращаясь к залу: «Ну вот и я такой же орагор, как и она».

Тов. Хрупанова рассказывает, как Алексей Максимович обходил все цеха, разговаривал с рабочими, интересовался работой «Трехгорки».

Сессия Института литературы

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). 18 июня в Доме писателя им. Маяковского состоялась конференция по драматургии А. М. Горького.

Д-р Роберт Линперт, известный и как переводчик избранных произведений А. С. Пушкина, перевел три стихотворения Лермонтова: «Терек», «Кавказь колыхальную песню» и «Завещание». Все эти три перевода были начаты еще после смерти Лермонтова в 1842 г. в лейпцигском периодическом издании «Zeitung für die elegante Welt».

Вот же день в Институте литературы Академии наук СССР на заседании ученого совета проф. С. Валуцкий выступил с докладом «Изучение литературного наследия А. М. Горького».

— За последние пять лет, — указал проф. Валуцкий, — написано 75 книг о жизни и творчестве А. М. Горького. Советские литературоведы нашли сотни страниц неизвестных горьковских текстов, представляющих огромный литературный интерес.

К дням памяти А. М. Горького приурочены и горьковские сессии Института литературы Академии наук СССР. В музее Института заново перестроена горьковская экспозиция, пополненная рядом новых материалов.

Торжественное заседание, посвященное памяти А. М. Горького, организовано Ленинским отделением ВТО. Заседание это состоялось в Театре им. Ленинского комсомола, перед общественным просмотром новой работы театра — пьесы А. М. Горького «Егор Булычьев».

В. БЕРЕЖНОВ.

Подготовка к столетию со дня смерти М. Ю. Лермонтова

Лекции, беседы, вечера

НОВЫЙ ДОКУМЕНТ О ПОЭТЕ

ИВАНОВО. (Наш корр.). К проведению юбилея в Ивановской области привлекаются все культурные учреждения области — театры, клубы, музеи, библиотеки, школы-детские.

С 20 июня по 1 августа в театрах области будет проведен декадант памяти поэта. Перед каждым спектаклем работники театров расскажут зрителям о жизни поэта, прочтут его произведения. Владимирский и Шуйский театры возобновят постановку пьесы поэта «Два брата». Артисты областной филармонии в дни юбилея выступят в концертных программах с исполнением поэты и романсов из слова Лермонтова.

В июне во всех садах и парках области будут проведены вечера памяти поэта с докладами и выступлениями кружков художественной самодеятельности.

Выборочные работники области с помощью читательского актива организуют в клубах, избах-читальнях, садах и парках, фабриках и заводах промисловых предприятий Лермонтова, проведут беседы о жизни поэта, устроят ряд выставок. Юрские библиотеки области проведут конференции читателей по обсуждению отдельных произведений поэта.

Лекторское бюро при ОблОНО готовит лекции на тему: «Лермонтов и русский народ», «Война и патриотизм в произведениях Лермонтова», «Лермонтов и наша современность».

Областное отделение Союза писателей организует большую лермонтовскую выставку, устраивает ряд литературных вечеров памяти поэта. Писатели — Д. Семчиловский, М. Попин, А. Благос и др. — проведут несколько бесед о Лермонто-

«СПБ 11 марта 1841 г. ...Здесь теперь Лермонтов в отпуску, и через две недели опять едет на Кавказ. Я заказал писать с него портрет Горькову: вышел похож. Он здоровее, целый год провел в драках, и потому шел мало, по замыслам очень много. Видел я вашего Липперта. Он перевел Дары Терена, и перевел славно... «Герой нашего времени» печатается вторым изданием».

Впервые публикуемый выше отрывок извлечен нами из письма редактора и издателя журнала «Отечественные записки» А. А. Краевского к М. Н. Каткову, хранящегося в Отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. (Архив М. Н. Каткова).

Особенно существенна в письме фраза о робуновском портрете Лермонтова. Она содержит мнение современника, лично и близко знавшего поэта. Это свидетельство важно для нас именно сейчас, когда в связи с приближающимся столетним юбилеем со дня гибели Лермонтова многие советские художники и скульпторы работают над образом поэта.

Д-р Роберт Линперт, известный и как переводчик избранных произведений А. С. Пушкина, перевел три стихотворения Лермонтова: «Терек», «Кавказь колыхальную песню» и «Завещание». Все эти три перевода были начаты еще после смерти Лермонтова в 1842 г. в лейпцигском периодическом издании «Zeitung für die elegante Welt».

В СССР за время с 1917 по 1 июня 1941 г. произведений М. Ю. Лермонтова издано на 46 языках в количестве около 6.000.000 экземпляров. Это более чем в 10 раз превышает все тиражи лермонтовских изданий за 23 года до Октябрьской революции (1894—1917 гг.).

За рубежом

Широко отмечается лермонтовская дата в Чехии. Здесь издали и издаются ряд произведений поэта на чешском языке. Издательство «Мелантрих» выпустило сборник лермонтовской лирики, названный «Сестра моя печаль», под редакцией Матежука, и сборник прозы. Недавно издали в богатой оформлении поэма «Демон» в первом переводе Гора. Отрывки из прозаических произведений Лермонтова печатаются в литературных отделах различных газет, которые публикуют также статьи о жизни и творчестве поэта.

В Братиславе издали на словацком языке поэмы и стихи Лермонтова в переводе Зоры Беевской. В газете «Слово», журнале «Балла» и других периодических изданиях появились положительные отзывы об этом переводе. В мае состоялось несколько лермонтовских вечеров. На 29 июня намечается специальная радиопередача, посвященная Лермонтову.

В Болгарии закончен перевод полного собрания сочинений Лермонтова.

У бойцов Красной Армии

В частях и гарнизонах Северо-Кавказского военного округа проводятся литературные вечера, беседы, читаются лекции, посвященные М. Ю. Лермонтову. В Н-ской авиации объявлен конкурс на лучшее исполнение произведений поэта. Библиотека Окружного Дома Красной Армии организует лермонтовскую выставку и подготовку к печати брошюры для бойцов и командиров о поэте.

Д. БУДНЫЙ.

П. попов.

НА СОРОКА ШЕСТИ ЯЗЫКАХ

В СССР за время с 1917 по 1 июня 1941 г. произведений М. Ю. Лермонтова издано на 46 языках в количестве около 6.000.000 экземпляров. Это более чем в 10 раз превышает все тиражи лермонтовских изданий за 23 года до Октябрьской революции (1894—1917 гг.).

До революции произведения Лермонтова переводились в Россию только на четыре языка — армянский, грузинский, татарский и туркменский. Сейчас же только зароды, имеющие свою собственную богатую литературу, но и те, которые только сравнительно недавно обрели свою письменность и литературный язык, распро-

дают целым рядом произведений великого русского поэта, переведенных лучшими писателями и поэтами их республик.

Лермонтовские стихи, поэмы, повести переведены на лакский, кумыльский, узмурский, чеченский, бурятский, якутский, языки коми и марийский и другие.

Чаще всего издавались в нашей стране переводы Лермонтова печатаются за 23 с половиной года на языках 26 народов Советского Союза в количестве около 1.200 тысяч экземпляров. «Мшры» — на 9 языках, «Домоно» — на 7 языках.

М. СЕРЕБРЯНСКИЙ

В речи на похорожах Горького, пять лет тому назад, тов. Молотов произнес следующие слова: «Влияние художественного слова Горького на судьбы нашей революции непосредственное и сильное, чем влияние какого-нибудь другого нашего писателя».

На судьбы нашей революции Горький влиял как великий художник, чьи замечательные произведения за прошедшие десятилетия были в народе неутомимой энергией и стремлением сделать жизнь достойной человека, как политический деятель-большевик, который нес свет учения Ленина—Сталина в массы трудящихся и понимал их на борьбу за освобождение от гнета старого. И одновременно с этим, глубоко осознавая воспитательную роль литературы, Горький влиял на судьбы революции благодаря тому, что неустанно и повседневно аккомодировал, творил, создавал эту новую, социалистическую литературу, воспитывал кадры ее молодых работников. По известному определению товарища Сталина, советский писатель — это инженер человеческих душ. Друг и соратник Ленина и Сталина, гениальный художник и публицист, писатель и солдат революции, Горький был, если можно так выразиться, «инженером инженеров», учителем и воспитателем, отцом и руководителем нашей талантливой международной литературы.

Стиль Горького-педагога, воспитателя литераторов — это подлинно большевистский стиль, в котором сочетаются во всей их национальной мощи русский революционный размах и американская действительность. Девизом Горького — в настоящее время являются слова: «Воспитатель должен воспитывать в революционной борьбе, в борьбе с врагом, в борьбе за свободу, за мир, за культуру». Это не просто лозунг, а программа писателя работать над собой, над художественным словом, в требованиях выносить свой культурный уровень и добиваться высокого мастерства в писательском ремесле. Известно, как непримиримой иной раз относился Горький к слову «творчество», видя в нем не только декоративный пережиток, и противопоставляя ему слова «труд», «работает», «мастерство». Русский революционный большевистский размах, как другая сторона стиля Горького-воспитателя, состояла в требованиях большой идейности литературы, сопереживаемости ее, без чего невозможно искусство социалистической эпохи.

В этом смысле была программа писательской школы Горького ясно и четко вытекает не только в его произведениях, но также в его литературно-критических статьях, которые стали классическими образцами большевистской литературной критики.

Чувство нового, свойство нашей литературы, было особенно сильно развито в Горьком. Отсюда — боевой наступательный тон его критики, его литературно-публицистические выступления. Еще много лет назад Чехов удивлялся исключительной разносторонности дарования Горького, который мог выступать во всех жанрах литературного слова и всюду с большим талантом. И тогда и позже литературная критика Горького оставалась неизменной в смысле боевого наступательного тона, который был ее основной чертой.

Нет нужды говорить о страстной любви Горького к молодой советской литературе, о его кровной заинтересованности в том, чтобы она была достойна эпохи и класса, в трудах и боях строящего новую жизнь. Именно отсюда выросла та суверенная и, нужно сказать, справедливая требовательность Горького к литературе, требовательность большого человека и художника, голосом которого говорил партия, пролетариат, весь народ.

Какова основная идея, составляющая самую сущность горьковских заветов советской литературе, горьковских суждений о ней? Коротко ее можно сформулировать так: это идея художественного синтеза, требование больших художественных обобщений в образах, умение переходить от частного к общему и главному, и с высот идеала, т. е. с вершин социалистического мировоззрения и практики победившего социализма, подвести к изображению отдельных сторон современной жизни.

Именно эта идея синтеза красной нитью проходит через все основные высказывания Горького о литературе, и с точки зрения этой литературно-философской идеи он формулирует задачи нашего искусства. На множестве примеров западной буржуазной литературы Горький показывает, что она утратила не только способность, но и самую возможность синтетического изображения действительности. Он пишет в одной статье 1932 г.: «... жизнь требует нового Балзака, но приходит Марсель Пруст и вполне естественно рассказывает душераздирающую историю человека без души и крови, человека, который живет вне действительности». Только от советских художников слова Горький с полным основанием требовал и ждал глубоко философского подхода к творческим задачам. Страстно любя молодую литературу и борясь за нее, он в то же время резко и беспощадно критиковал ее недостатки. Он писал в тот период в другой статье (1931 г.): «... наша живопись и литература, — за малыми исключениями, которые пока еще имеют характер только учебных попыток, — при наличии неоспоримых талантов, все же являло бы в глазах латы синтетический охват наиболее характерных явлений нашей действительности, вторым и героем которой является коллективный труд существ, действующих в состоянии предельного напряжения творческих сил» (подчеркнуто мною. — М. С.).

В этой статье Горький снова напоминает о том, что «труд, все разрешающий труд... — вот он подлинный герой нашей действительности», что «нра умеет синтезировать ее (энергию пролетариата. — М. С.) в поэзии и прозе, т. е. литературу, должна понять свою роль, как роль возбудителя еще большей энергии».

Поскольку эти мысли и раздумья Горького являются основой его критических выступлений, можно судить по статье, впервые опубликованной в «Правде» от 18 июня. В этой статье «Молодая литература и ее задачи» Горький прямо и резко говорит о слабостях и недостатках работы советских писателей.

«Рабочий класс весьма суров в применении своих требований к искусству, он не может смотреть на него иначе, как на оружие борьбы за него и против него... Рабочий класс говорит: литература должна быть орудием культуры в моих руках, она должна служить моему делу, — обо мое дело — общечеловеческое дело».

Этот голос — голос новой истории. Хорошо ли слышит его молодая литература? Я бы сказал: плохо слышит. Плохо, потому что пассивно подчиняется старой традиции обличительного и отрицательного отношения к действительности, она недостаточно ясно отражает вторую действительность, изображая старую правду — не замечая новой, не замечая в хаосе разрушенного старого то новое внутри человека, что уже родилось, будет жить века и не уничтожится, а только изменится на лучшее».

Мысли эти были высказаны Горьким в 1929 г., дающая лет тому назад, и время внесло в них свою поправку: в какой-то мере наша литература уже научилась лучше слышать голос истории и больше замечать то новое, что уже родилось и будет жить века. Но, тем не менее, мысль Горького не перестает быть актуальной и острой для нынешнего этапа советского литературного развития. И сегодня верны слова Горького о том, что литература должна воспитывать в человеке «волю к творческой, культурно-революционной жизнедеятельности», что идея творчества — новая правда, создаваемая героическим усилием миллионов людей, призывает писателя обратить внимание на самые главные процессы и явления современной истории.

Исходя из этого, Горький специально останавливается на технических приемах писательской работы и заставляет обдумать, насколько они пригодны для активного решения грандиозной литературной задачи. Глубокий философский полет Горького, писателя-материалиста к проблеме художественного синтеза замечательна и тем, что в постановку ее Горький вводит новую черту — активность рабочего класса, который является не только героем, но и творцом новой действительности. Мысль эта глубоко подтоптана и глубоко материалистична, ибо ведет к активному творчеству новой правды. Горький исходит здесь из факта победы социализма — итога усилий народа — и, решительно отвергая старое деление литературных стилей на реалистический и романтистический, пишет: «Не следует ли поискать возможности объединения реализма и романтизма в нечто третье, способное обобщать героическую современность более яркими красками, говорить о вой более высоким и достойным ее тоном?» (подчеркнуто мною. — М. С.).

Необходимость синтетического изображения современности Горький закономерно связывает с самым характером социалистической действительности и материальной о том, что «действительность — монументальна, она давно уже достойна широких полетов, широких обобщений в образах». И если, писал он, «в Союзе Советов — можно растерять эпоху творчества новых форм жизни», то совершенно естественно, что «литература пролетариата всех планов Союза Социалистических Советов ставит перед собой крайне трудную задачу создать приемы реализма этического искусства, в котором отразился бы со всей возможной силой слова и полнотой героизм рабочего класса, строителя нового общества, — героизм индустриального вооружения страны против всех и всяческих пещников прошлого, которое особенно глубоко и крепко вошло в русскую историю».

Лучшие, наиболее талантливые работники литературы пролетариата правильно понимают, что эпоха реалистична и что реализм отнюдь не стесняет воображения».

Таким образом, в эстетике Горького, в его установках, образцах к советской литературе, проблема нового эпоса, реализма, не стесняющего воображения и заключающего в себе романтику, и проблема

ма синтеза, т. е. больших обобщений в образах, связанных волею как зрелищной одной литературно-художественной эстетической системы. То, что эти задачи советская литература должна и может выполнить благодаря реальной победе социализма, Горький подчеркивал неоднократно, призывая писателей глубже изучить те действительные, коренные перемены, которые произошли в жизни советского народа.

Историческая заслуга Горького состоит здесь именно в том, что он своим опытом и авторитетом большого художника учит молодых писателей поставить в центр своей работы глубокое изображение современной действительности. Только на этих путях реалистического изображения этических форм современной жизни возможно, по мысли Горького, развитие искусства художественного синтеза, создание образов больших идей и обобщений.

В этом не было отрицания необходимости изображать давнее или недавнее историческое прошлое. Горький, как известно, первый приветствовал возникновение у нас исторического романа. Но новое направление литературы, говорил Горький, социалистический реализм сможет быть создано только на фактах социалистического опыта, опыта современной борьбы за коммунизм. Так теоретически глубоко обрисовано Горьким ведущее и решающее значение современной темы в нашей литературе.

С того времени, когда Горьким были высказаны эти мысли, прошло не малый срок. Но они и сегодня звучат во всей силе и свежести. Все больше и больше требований предъявляет к нашей растущей литературе советский читатель. Очень хорошо следует понять, что коренным образом меняется и самый состав советской читательской массы, меняется в том смысле, что с каждым годом все шире и шире становится круг высокообразованных читателей, у которых вместе с их естественным ростом растут и требования идейного и художественного совершенства произведений искусства. И когда Горький так настойчиво указывал на необходимость высокого мастерства писателя, на обогащение его литературной техники, для него это никогда не было просто или узко «технологической» проблемой. За этим стояло больше. Идеи и формы социалистической литературы должны быть на одном высоком уровне, который прямо вытекает из характера нашей эпохи, из самого существа борьбы великого советского народа за коммунизм.

(Письмо из Риги)

Два дня, 14 и 15 июня, в Риге проводился первый съезд писателей Советской Латвии. Впервые в истории латвийской литературы собрались писатели трудового народа, чтобы свободно обсудить достижения и недостатки своей творческой работы, наметить дальнейшие пути развития литературы молодой советской республики.

Первым на съезде с речью о задачах советских писателей выступил т. А. Фадеев.

«Недзя не выразить радости», — говорит А. Фадеев, — что мы после более чем 20 лет разлуки, наконец, снова встретились и можем совместно обсуждать вопросы литературы. Думается, что радость эта не может не быть взаимной. Нельзя забывать того, что латвийский рабочий класс дал целое поколение революционеров ленинско-сталинской школы, которые вместе с русскими революционерами боролись за социализм».

Затем т. Фадеев подробно остановился на сущности социалистического реализма. Приводя в конце своей речи слова Райниса:

Не только жизнь прожить, не только отражать, —
К чему зелены куст и гладь озера
зеркальных?
Нет! строить жизнь, все выше
подымать!

т. Фадеев говорит:

«Это завет для нас с вами. Да, мы хотим создать литературу высокую, благородную, литературу, многообразную по своим национальным формам, помогающую строить жизнь, такую жизнь, чтобы миллионы людей жили светлее, чище, культурнее. И вот, товарищи, в создании такой литературы мы нас и призывает!»

Доклад о работе оргкомитета сделал Янис Ниедре. Остановившись на развитии латвийской литературы, берущей начало в народном творчестве, докладчик говорит о тяжелом положении писателей при капиталистическом строе. В буржуазной Латвии отражать думы и чаяния народа означало — ставить себя вне закона. В течение шести лет плутократическим режимом платились полностью уничтожить латвийскую литературу, но вопреки воле яна жила и росла. В глубоком подполье компания Латвии вела неустанную борьбу с фальсификаторами истории и культуры народа, воспитывала новых писателей и борцов.

Докладчик подробно останавливался на работе Союза писателей, основанного в августе 1931 года. В ряды Союза — сорок четыре писателя. Ядро писательской организации составили товарищи, активно борющиеся за свержение плутократического режима. Партия и правительство создали все условия для плодотворной творческой работы.

Латвийские писатели все больше внимания уделяют современным темам. Современная латвийская советская литература уже обогатилась стихотворениями В. Лукса, М. Рудзиты, А. Валодиса, Ф. Роккелюса, Р. Вилнюса, А. Григулдиса, Я. Судрабалса, И. Плуаудиса, Р. Скундиса, М. Крупицкой и других поэтов. Это стихи о социалистическом строительстве и новом человеке. Советская Латвия дала воз-

можность развиться таланту писательницы Анны Саксе, написавшей первый латвийский советский роман «Рабочие пламя». Первую советскую пьесу написал Ю. Ванга и Ф. Роккелюс. Преобразования сель и городов изображает в своих произведениях И. Леманис, Ю. Ванга, Я. Лацис, А. Талдис и др. Над пьесами работают М. Зивер, В. Лацис и А. Улит. Союз писателей издает литературно-художественный журнал «Карог» и литературную газету.

Часть писателей, однако, не сумела простраться, охотней ищет о прошлом или вообще молчит. Современная латвийская литература не создала еще образа нового человека, она еще очень поверхностна, протоколизна, не отражает жизнь во всей ее многогранности. Большинство писателей работает в советских учреждениях, редакциях, совмещая эту работу с литературным трудом.

Наиболее отсталым участком является критика: она не дала ни одной серьезной критической статьи. Журналы и газеты ограничиваются поверхностными рецензиями, пересказыванием содержания произведения.

С большим вниманием съезд выслушал доклад крупнейшего латвийского романиста и критика Андрея Угита. Унит подверг глубокому анализу латвийскую литературу от древнейших времен до настоящего дня. Он указал на ограниченность народного романтизма, резкой критике подверг творчество буржуазных декадансов.

После доклада Угита от имени братских республик приветствовали съезд делегаты Азербайджана — Сулейман Рустами, Таджикистана — Махomed Рахми, Киргизии — Табабак Самангин. Они передали Союзу советских писателей Латвии подарки.

Во второй и последний день работы съезда с докладом о задачах писателей Латвии выступил секретарь ЦК КПС(б) Латвии А. Пеппе. По докладом развернулись оживленные прения. О фольклоре говорил Краудиньш. По вопросу о внешности и детской литературе выступил главный редактор газеты «Правда» Бириншек Улит. Он говорил, что в Латвии о детской литературе забыли, что ей следует уделять больше внимания. Тов. Пеппе сообщил, что писатели в своем большинстве интересуются в хаосе событий. Тематика сегодняшнего дня не находит отражения в их произведениях. Писатели Латвии должны полностью включиться в социалистическое строительство. Тов. Эгле говорил о переводах, Роккелюс указал на то, что мало внимания писатели уделяют драматургии. Янис Слуре говорил о ряде положительных и отрицательных явлений в работе писателей Латвии.

Съезд избрал правление союза в составе А. Угита, В. Лациса, Я. Ниедре, Ж. Слуре, Я. Судрабалса, И. Леманиса, А. Саксе, Ю. Ванга и В. Лукса. Кандидатами избраны П. Эрманис, Р. Эгле и Я. Екабсон, членами ревизионной комиссии — Э. Вириншек-Улит, А. Белодис и Мира Крупицкая.

АРВИД БЕРЗС.

КАРТИНА И. Е. РЕПИНА «ПЕЧОРИН»

Снимок с этой картины приспал в 1931 г. в Главнауку дочери великого художника. Снимок хранится в иллюстрационном отделе Института мировой литературы и печатается в альбоме «Жизнь и творчество Лермонтова», составленном группой научных сотрудников института. Альбом выходит в издательстве «Искусство».

МАСТЕРСТВО КРОТКОГО РАССКАЗА

Александр ДРОЗДОВ

1. Что-то неладит творится у нас в области короткого рассказа. Казалось бы, о чем забота? В литературе много людей, сочиняющих короткие рассказы, в журналах много печатают их. Но при завоевании территориальных коротких рассказов в массе своей все еще не вышли к рубикам художественного успеха.

Жизнь у нас большая, а рассказ — маленький, идею выжал, песемаль и незамысливший; общество занято построением социализма и обороной его, а рассказы взлетают читателя либо естественным образом истощаются, либо ищут дешевой зеркалки, ириво и мучно отражающего жизнь. В свое время это грустное состояние современного рассказа пытались объяснить тем, что живет он на положении нелюбимого дитя: романтисту, создающему больших художественных полетов, — теплая же издательская биржа, а повелит забыть в саях, на дорожке; читатель в библиотеках спрашивает книгу пошине, а к мелким рассказам равнодушен и, если и берет рассказы, то, по преимуществу, смешные или интрижные: Зоцелло и Гетри, Вломипатри Чехова. В самом деле, Чехову принадлежат высшая слава в творческие журналы — для себя и для тех, кто шел по его широкому следу. Горький, Л. Андреев, Курпин начинали короткими рассказами, начинали сильно и сразу заметно. Быть может, они были хорошими полемистами, убеив издателя и читателя в правомости рассказа, как вида литературы? Да нет! Пропусту говоря, они сделали короткий рассказ большой литературой, выразившейшей нас время, — и рутина пала сама собой.

Наша литературная жизнь свидетельствует о том, что недостаток в рассказам издателей и читателей общества — нечестные баши. Рассказы не только читаются, но и слушаются с астрады и по радио, даже

ветской мамы, опустившей дочь в буржуазный Париж), «Туз» (рассказ о балете и легкой слепоте советского командования). Именно эти рассказы задают в журнале тон, а так как, по слову Горького, каждая книга чужду-нибудь да учит, то и выходит, что равнодушные и уставшие рассказы учат равнодушию и усталости, пошлые — снижению вкуса, глухие к радости жизни — душевной глухоте. Непонимание этой общественной истины приводит к тому, что популярный в читательской публике журнал вдруг везд да захромал на обе ноги, упавшим этим самым тонким литературным пропагандистом которой он призван быть. Создалось положение, когда в течение долгого срока, как редкие дожди в засушливое лето, выпадают только отдельные удачные рассказы Овечкина, Кунячина, Меньшикова, да заимчиво сегоду наущий в литературу Бабушкин. А в массе — либо серая середина, либо назойливое эпигонство, либо фокусы с лавно разгаданным секретом и, как следствие всего этого, — лайловое молоковоье.

А короткий рассказ должен быть жив! Последнее маленькое рассказывание К. Фелина служит наглядным примером того, какова необычайная сила воздействия тайсы в этом жанре, если в его малых формах по-селяется большая литература.

2. В недавно выпущенную книгу К. Фелина «Маленькие романы», обобщившую так же его вещи, как «Самый Архип», «Я был зтепером» и «Старик», забрала створочку четыре маленьких рассказа. Все они очень хорошие, являясь антипидей дном за современной короткой рассказ.

Я останавливаюсь только на одном из них, на «Рисунке» К. Фелина. Сюжет его совсем незамысловат: молодой художник ищет случая увидеть Ленину, чтобы сделать с него рисунок; редакция газеты отсылает художника на конгресс Коминтерна; художник делает рисунок, но работа не удовлетворяет его; в рисунке есть сходство, по нет «главного», нет художественного открытия.

Это очень современный рассказ, просмотр на отдаленное время его действия. Ленин бесмертен, и всякое движение народных масс, ведомых партией, мощные проявления патристического чувства, по-

мощ братским народам—дело Ленина; успехи строительства, каналы, прорезанные некогда бесплодные азиатские пустыни, каждое новое предприятие, пущенное в ход, каждый новый дом, возникший на городской окраине,—дело Ленина; судьба людей, в прошлом палившихся тяжелой, заскорузлой жизни и ныне выплывших под солнце сталинских сверхпешей, судьба детей, не знающих рабского детства, — все дело Ленина, и в каждом успехе страны, в каждой трудовой победе любого отдельного человека живет Ленин.

Маленький рассказ Фелина повествует о заветной, но только сонной, по и сердечной потребности советского человека всеми силами, отшучиваемыми им, всеми способностями, заложенными в нем, выразить образ Ленина.

Быть, как Ленин, работать, как Ленин. И естественно поэтому, что люди, работающие в области пластических искусств, ставят высшей целью своей выразить образ Ленина, как он сложился в их сознании: писателем — пером, актер — средствами сценического воплощения, художник — кистью или карандашом. Строимый Фелинский Сергей Шумилин встречает Ленину на третьем году Октябрьской революции, т. е. в пору, когда искусство еще не научилось своим попыткам в этом направлении. В печати еще не понимался восторгания людей, близко знавших Ленину, случивших его жизни. Шумилин не мог поэтому объективно драматичные зерен, озабоченных искусством, ни в запящых А. К. Руцкого, ни в вспомогательных А. И. Ульяновой-Елизавовой, Клары Петки, Луначарского. Эти вспомогания еще не были написаны или опубликованы. Еще не появились строки Горького: «был он прост и прям, как все, что говорилось им». Свое вдохновение Шумилин мог черпать только в любви, которой трудящиеся окружали Ленину, и в своих бергах впечатлений Сергея Шумилина Лернупа потому, что это было его потребностью.

3. И вот художник бродит по Ленинскому труду, в толпе делегатов конгресса. В начале он знакомится с ипотечной участником правительства невольничьей метистой «спешившей» республикой, разваленной полониевыми сапогами социал-демократии. Художник следит согласно зарисовать этого напыщенного петуха от политики, растерявшего перья, этого физи-

стера и тушпу, пережившего свою домашнюю славу и не способного взять в толк, почему советская власть закрыла частные лавочки; глава бывшего трехдневного правительства лезде кинуть шутковину. Зачем Фелину понадобилась эта непереносимая фигура? Чтобы оттенить величие Ленина? До сопоставлений ли здесь... Сей политический флистер нужен для того, чтобы художник в своем творческом сознании отворотился от подобного натуршкани, как от фигуры, ипородной нашему миру.

Зачем художник является свидетелем Овации, которыми зал встречает Ленин. Можно угадать простоту, с какой поздравил Ленин на трибуне, в смерчах и вихрях этой оавации.

Следует изображение Ленина говорящего, его жестиов, его поворотов, выги его живого лица, изображение сдержанное, почти сугное, но исполненное заражающего внутреннего движения. Но помяи, где-то лавно я читал, применительно к искусству, о покое пушного волчка. В своем бесном кругоротеении он как бы повсюду Искусство внутренней динамики—искусство «пушного волчка» — это искусство зрелой гармоничной литературы, постигшей единство мысли, образа и выражения. Только от большого искусства приходит эта благородная простота в теме, не торшшая фразтовослалого словесного убранства. Уж кто-нибудь, а Фелин знает толк в «тиршах» слова, а Фелин дает ему волю! Фелин печатно рассказывал о том, что за свою литературную деятельность выдал пережил участие словесной работой писательского детства. «У меня, — признавался он, — корь имела, кажется, невозможную в менинге, возвратную форму».

Если допустить, что писатель, садясь за стол, точно знает, для какого читателя он пишет, если допустить, что словесное паннаство вытекает из желания не ударить в грязь лицом перед своими искусными собратьями (Фелин рассказывал, что возвратный корью он заболел, попал в самое «яркоко гоглающей молодой литературе»), то можно признать: садясь за «Рисунок» К. Фелина, Фелин не только подымавший свой взгляд глазами миллионов читателей с его требованнем прозрачного и сильного слова, уж раз писатель коснулся самого дорогого, что живет в душе миллионов.

Мало того, что Ленин рельефно виден в

Роман «Осетинская быль»

Молодая осетинская писательница Уруймагова написала роман, впервые, первую книгу исторического романа «Осетинская быль». В этой книге автор рисует картину осетинской жизни начала XX века. Роман написан на русском языке. Уруймагова — ученица русского языка в осетинской школе.

Недавно в клубе писателей обсуждалась первая книга романа. Выступивший с докладом т. Давыдов сказал, что в осетинской литературе такая тенденция еще не была проявлена, которую бы так широко изображала общественную жизнь Осетии в период с 1905 г. и кончая Октябрьской революцией. Революционное брожение в Осетии, пошедшее по пути абречения, появление руководителей организованного революционного движения С. М. Кирова и Серго Орджоникидзе, вся сложность борьбы, которую приходилось вести, отдельная национальная борьба между отдельными племенами, — такое

сложный фон, на котором развертывается роман.

Выступившие в прениях тт. Хетагуров, Болдов, Давитен и Маркова говорили о заслуге автора, не пошедшего по проторенному пути романтичного показа Кавказа. Это особенно важно потому, что в осетинской литературе такая тенденция еще не была проявлена. Образы героев романа — Темер и Хангаит, вятные автором из самой души осетинской бедности, написаны тепло. Роман проникнут духом интернационализма. Отчетливо вырисовывается автором фигура казака Ильи и представителя различных кавказских национальностей. Автору удалось массовые сцены. Композиционные недостатки, как и отдельные стилистические погрешности, на которые правильно указал Ю. Либединский и Л. Соколов, вполне исправимы. Книга нуждается еще в тщательной редакции.

В этом рассказе: вот он приветствует товарища своего по эмиграции, вот присел на ступеньку в проходе, подождал бумаги на колени и, читая, живо загугукал над ним; вот он в процессии идет к могилам жертв революции.

Мало того, что вы видите живого Ленина выдоте до заветшущ волос, касающихся ворштика, — вам неудержимо хочется срисовать Ленина, вапи пальцы тискут воображаемый карандаш, и толка и жар неудовольственного желания вылиться в рисунок то холодит, то обжигает вапн шелк. Вы смотрите на окружающее глазами Сергея Шумилина и живете его желанием — такова сила отражения в искусстве, закон реверберации, которому нельзя не подчиниться, если искусство сильно.

Шумилин мечется по Ленину, отыскивая лучшую позицию, и вы тоже мечетесь по Ленину. И вот вместе с художником — впервые, в колче этого художника — видите Ленина «во весь рост и в той полноте, которая не давалась глазу, размытому на части исполненной целостности натуре».

Рисунок слезлив. Вы в толпе, близко от Ленина. Кто поступил бы иначе на вашем месте? — вы приветствуете Ленину рисунок И., волнуясь, смотрите, как он берет альбом за угол. Решающая минута! Ничего не случилось, и вместе с тем случилось многое: вы поняли, что рисунок плох, что он близок к правде, но еще не вся правда, вы не сумели вылить ее в рисунок. Нехватало какой-то крупинки соли, нужной для начала кристаллизации. Недовольство собою? Отчаиние? хандра? Могут ли эти субъективные чувства высунуться из своих нос после этого человека, о значении которого Горький сказал: «сид слез, которые могли бы затемигть факел, подпаятый Лениным в душной тьме обезумевшего мира!»

Быть, как Ленин, — в больших делах своих и в малых, в своих мыслях, в своих чувствах, в своей неутомимой любви к родине, в своей негасимой преданности партии, — вот о чем написан этот большой «маленький» рассказ, и написан воодушевленной рукой мастера. Он прошел незамеченным литературной критикой. Отметим, в приезде разооравая, на жагь короткого рассказа махнула рукой, отдал его на откуп ремесленникам. Зря. Даво и в теперешнем своем полуопном состоянии этот жанр нет-нет да блестяет огнем настоящего искусства — всякий раз, когда большая литература выполнит его маленькие формы.

А. М. Горький (1934 г.)

Я. ЭЛЬСБЕРГ

Отношение Горького к литературным традициям классической литературы, по-настоящему переосмысленных в этой традиции — эта проблема может и, несомненно, будет предметом ряда специальных монографий. Сама же — на основе высказываний Горького — направляются такие темы, как «Горький и Пушкин», «Горький, Бальзак и Стендаль», «Горький и Лесков», «Горький и Габу Успенский» и т. д. и т. п. В данном же случае нашей задачей является лишь очень краткая характеристика отношения Горького к традициям трех основных литературных направлений новой истории: 1) литературы просвещения, 2) романтизма и 3) критического реализма. При этом мы должны будем учесть и особенности русского критического реализма в отличие от западноевропейского.

Горький еще в 1899 г., характеризуя разнообразие тем и сюжетов в творчестве Ренана, писал: «Вот искусство! Вот как оно широко должно брать жизнь!» Творчество самого Горького в высшей степени охватывало широтой охвата жизни. Горький изобразил жизнь народных масс при капитализме и их «слухи к будущему» (выражение Горького в письме к Цезарию Скрябину), к социализму. В творчестве Горького мы видим образы и человека страшной жизни и необузданных инстинктов (вспомним, например, «Женщину») и образы человека, стремящегося «к возмужанию в народе своим разумной энергией, творческой добротой и красотой». Горький сумел показать и «свинцовую мерзость» до-революционного быта во всей их мертвенной вещности и «красоту и силу мысли» переболевших людей.

В такой широте охвата жизни лежит ключ к пониманию горьковского отношения к указанным классическим традициям.

Горький высоко ценит вольтерьянское течение французской литературы, утверждавшее «необходимость просвещения». Анатоля Франса Горький называл «славной мыслью». По французской «литературе идей» (так называла литературу просвещения Бальзак) представляла себе мир по преимуществу, как борьбу между переделом сознания и всем переобузданным и бессмысленным, что есть на земле. Вольтер в своих романах критиковал и осуждал все косное и отсталое, но ограничивая идею победой над ним и не вошед еще в самую жизнь найти ростки будущего, пути к нему. Идеиные, интеллектуально-теоретические традиции литературы просвещения были понятии Горьким на новую высоту. Творческие их продолжения сказывались не только в поэме «Человек», но только в сатирических сказках Горького, но прежде всего в столь характерном для всего творчества Горького стремлении воплотить в своем творчестве красоту и силу перебойной мысли. Мысль эта у Горького лишена черт просветительского рационализма, она находит дорогу к революционно-практической переделке мира, она способна «энергетически» все силы и способности мировой мысли трудящихся» (из письма А. М. Горького к Н. Я. Марру). Мысль Горького опирается на глубокое познание жизни, ее исторических закономерностей.

Горький хотел в своем творчестве отразить «все ужасы и немощи, всю боль и радость жизни, всю пестроту и хаос его (мира)» (Я. Э.), разудалой игрой. Тем самым Горький задает определение своей позиции по отношению к традициям романтизма. Ведь именно романтики стремились сместить «подобно природе» в своих творениях «степь со светом, гротеск с вымыслом, душу с телом, глубину с умом» (Гюго). Романтизм в лице самых различных своих представителей отразил

прежде всего хаос буржуазного общества, его пестроту, противоречивость, стихийность, опровергающие требования разума, выставленные просветителями. И в эпоху просвещения, в «Памятнике Рамо» Дидро, в «Исповеди» Руссо противоречивая буржуазная цивилизация уже получила глубокое отражение. Романтики же, целенаправленно сосредоточенные на осмыслении хаоса буржуазного общества, путались этого хаоса и смотрели назад. Горький резко критиковал реакционные тенденции романтизма, свойственный последнему «ужас перед чем-то непонятным, что обнимает человека со всех сторон и душит его». Наиболее же плодотворной стороной западноевропейского романтизма начала XIX века Горький считал обращение романтизма к народной поэзии, открывавшей перед обществом картины простых, суровых нравов, искренние сильные чувства людей, в которых мысль гармонировала с чувством, знакомая с «духом народа», с его внутренним миром и изображающей народ, как «неисчерпаемый запас творческого сил». Но романтики в своем большинстве присели в восприятии народной поэзии элементы мистики, спиритуализма, эстетизма. В их изображении мир сталоявилась ареной борьбы стихий, человеческая личность в их понимании превращалась в таинственное вместилище веры, страстей и инстинктов, в орудие стихийных сил. Ведь даже славя Вальтера, Виктор Гюго заявлял, что «для совершенного им дела он избран был высшей волей, который столь же наглаголо проявляется в законах судьбы, как в законах природы».

Горького в романтизме привлекало то «богатство образов», которое отмечал в нем Бальзак, давшее название романтизму «литературе образов». По Горькому материалистическая, революционная перекорость традиций романтизма. Горький новаторски решил все проблемы, поставленные романтизмом. В своих критических лекциях Горький писал, что романтизм пролетариата возникает «как поэзия сознания человеческого с миром и ощущения своей творческой силы, вызванной этим сознанием». Горький дает провозглашение «возвращающим оптимизмом материалиста» изображение стихийного развития природы, стихийного народного движения, инстинктов человека, всей пестроты и сложности жизненных противоречий. При этом, в отличие от романтиков, Горький верит в творческие силы народа и перебойной социалистической мысли, в рост русского человека, он всегда смотрит вперед. Горький изображает те всемирно-исторические процессы, которые в своем дальнейшем развитии привели в СССР к тому сближению и соединению народа и коммунизма, о котором говорил В. М. Молотов.

Для Горького чрезвычайно характерно твое восприятие стихийных сил природы, жизни: «Бабий говор, пьяный рев мужиков, звонкие крики детей, ление бабьей гармонии — все сливается густым гулом, мощно воздымает неумолимо творящая земля. Все — грубо, обаятельно и внушает большое, крепкое чувство доверия к этой черной жизни, бесстыдно-животной. Хватался своими силами, она тосклива и напряженно ищет, куда излить их» («В людях»).

Великие критические реалисты и в первую очередь Бальзак стремились к синтезу в своем творчестве сильных сторон литературы просвещения и романтизма. Об этом Бальзак подробно говорит в своей известной статье о Стендале. Но этот синтез оказался глубоко противоречивым. Бальзак создал несравненно более глубокое изображение хаоса буржуазного обще-

ства, чем романтики. Он конкретно анализировал и глубоко критиковал этот хаос. Но не видя «путь к будущему», Бальзак пришел к убеждению в том, что народ и перебойная мысль бессильны переделать мир. Идеиные искания Даниэль Д'Артеза и Мишеля Кретьена отступили в его творчестве перед позором страстей буржуазного общества. Как говорит Горький, «критический реализм не мог указать человеку выхода из плена». Русская литература XIX века сделала новый громадный шаг вперед в мировом литературном развитии.

На основе великого всемирного подвига эпохи Отечественной войны и движения декабристов, на основе возмужавшего им самим роста русской культуры и искусства Пушкин создал стиль, который по силе мысли, по богатству чувств, образов и красок, по сочетанию в нем творческого продолжения традиций и литературного просвещения и прогрессивных сторон романтизма, и народного искусства уже был недоступен для западноевропейского критического реализма. Пушкин первый поставил все те задачи, которые были в дальнейшем разработаны русскими критическими реалистами. Но исторические условия позволили Пушкину, как указал Добролюбов, еще не сосредоточить свое внимание на «перевороте» жизни, на оторванности народа от народной мысли. В дальнейшем же русский критический реализм, начиная с Гоголя, изображает и решает именно эту «несовершенство» и стремится преодолеть эту оторванность.

Но русский реализм опирался на многомиллионное русское крестьянство, которое в отличие от западноевропейского, находилось еще перед могучим темпоатическим пологом. Вот почему у Гоголя, Толстого, Некрасова, Шоприна по-разному проявлялся та вера в силы народа, которую уже не знает Бальзак. Гоголь, Некрасов, Шоприн, Лесков, Толстой глубоко восприняли традиции фольклора. Поэтому, как указывал Горький, «...сильные романтизм и реализм особенно характерно для нашей большой литературы, она и придает ей ту оригинальность, ту силу, которая все более заметно и глубоко влияет на литературу всего мира».

Русские критические реалисты в более верном направлении, чем Бальзак, искали «выхода из плена». Именно на русской почве возникла поэзия Лермонтова, в которой романтика сочетается с «жглым» желанием дела, активного вмешательства в жизнь» (Горький). Но и русский критический реализм мог указать лишь на потенциальные силы народа, он не мог еще изобразить народную жизнь в ее движении вперед, к будущему. Поэтому у Толстого, Успенского, Лескова мы видим и черты романтической идеализации отсталых сторон народной жизни. Историческую задачу изображения жизни народа в его движении к социализму выполнил основоположник социалистического реализма — Горький. Эта историческая задача могла быть решена только в эпоху разрыва социалистической революции в России, где массовое революционное движение было возглавлено «...революционной» в мире пролетариатом...» (Сталин).

На этой основе Горький творчески продолжил и соединил в новаторском синтезе традиции идейной неустремленности и интеллектуальной насыщенности литературы просвещения и традиции точного и конкретного познания жизни, ее противоречий, ее темных сторон и анализа ее закономерностей, лучшие от критического реализма. Горький соединил эти традиции с революционной романтикой, опирающейся на все огромное художественное богатство народного искусства.

Реакция очень охотно обвиняла революционных лидеров в космополитизме, отрицающем родину и любовь к ней. В этом обвинении заключена была пошлость буржуазного ограниченного мышления и часто сознательная ложь. Ленин говорил о Чернышевском, что именно токаящая любовь к родине вызвала его гневные слова о работе. Общественная работа в лучших людях прошлого было выражением острого чувства их связи с родиной, ответственности и боли за нее, неутолимой любви к ней.

В разгар первой мировой войны, внесенной столько смуты в умы, Горький писал в статье «Письма к читателю»: «...читатель поставил передо мной линию вопросов, которые удобно соединяются в один резкий вопрос: «Могли ли мы — духовно или немощно?» Прямо ли Русь — это ответ — все равно положительный или отрицательный — сам по себе не имеет никакого значения. А вот вопрос, поставленный самим читателем — на вопрос, поставленном самим читателем — на вопрос, поставленном самим читателем — на вопрос, поставленном самим читателем...» И Алексеев Максимова вспоминает подные горечи и печали слова, слышавшиеся у Пушкина и Чаадаева. Все эти вопросы тоски, гнева, отчаяния, выпрыгившие из сердца лучших русских людей, были, говорит Горький, «вызваны, несомненно, заботой о родине, любовью к ней».

Сам Горький — писатель и общественный деятель, в котором кронное родство детства и всеопределяющая действительная любовь к родной стране с наибольшей очевидностью определяли жесточайшую неадекватность к укладу старой жизни. Его публицистические выступления и статьи, направленные против глумных обжор и сифритиков из дома Романовых, разоривших и опозоривших Россию, против собственного свинства, поражают своей страстью, силой ненависти и презрения. Ненависть становилась тем острее, чем больше верил Горький в прекрасные возможности освобожденной родины.

Один из основных упреков, брошенных Горьким прежней литературе, — недооценка сил русского народа. Неоднократно и до революции, и после нее, он говорил о том, что людей сильной воли, людей большого дела старая литература странно образом искала преимущественно среди иностранцев. В статье «О том, как я учился писать» Горький говорит: «Гончаров в романе «Обломов», — одним из самых лучших романов нашей литературы, — противопоставил русскому обломившемуся до слабоумия барину — немца, а не одного из «обычных» русских мужиков, среди которых он, Гончаров, жил и которые уже начинали командовать экономический жизнью страны. Если писатели-дворяне изображали революционера, так это был или чужеземец-болгарин, или поляк-бунтарь на словах — Будин, Волегов, активный русский человек, как герой эпохи, оставался в стороне от литературы, тогда за пределами поля зрения» литераторов...

Горький поднялся на самых глубинах народной жизни. Он обшел некроном добрую часть великой страны, почитаемые из книг знания добавил к опыту исключительно содержательной и богатой впечатлениями жизни. Он имел все основания говорить, что знает родину и русский народ. Он видел жизнь, полную кипения, творчества и борьбы, сам участвовал в этой жизни и, вспоминая о годах своей юности и первых встречах с литературой, писал: «Было трудно понять: почему литераторы изображали интеллигентом безхарактерными, безвольными, в то время как сотни интеллигентов пошли «в народ» и многие уже попили в тюрьму, в ссылку, почему в литературе не нашли «отражения» люди процесса 193-х, пропавшие отказав в наличии характера и силы воли? Казалось, что литература обезличивает жизнь».

Горький видел в народе огромные, богатейшие силы, мощные порывы, замечательные характеры. Через все его творчество проходит не только романтическая мечта о герое, но и реалистическое изображение русского героя, его огромных духовных сил, идейности, воли, готовности к самопожертвованию. Никто с таким глубоким убеждением не заявлял в литературе о том, как яри и значительны люди, сумевшие даже среди свинцовых мерзостей старой жизни сохранять благородные чувства и устремления. Во всем своем творчестве Горький выступает как подлинный патриот. В противовес дворянской литературе, часто изображавшей людей из народа в виде кружающихся «болых человек», Горький видит в них людей большой силы, ума, предприимчивости, творческой инициативы.

В народе живут огромные творческие силы, говорит своему провинциализму Горький. В народе неисчерпаемы запасы активности. Но эта энергия не может найти применения в помещичье-капиталистическом обществе. Иные мужики стали предпринимателями, но тем самым они погубили старую Ате, в ком крепка была связь с народом, в конце концов, с отрицанием и ненавистью поднимались против таких «активистов». Поэтому-то перикари Семенова (повесть «Хозяин»), хотя и гордился успехами своего хозяина-земляка, вскоре начал с ним борьбу всеми возможными средствами. Поэтому-то бунтует Фома Гордеев.

Иаумителен по своей художественной выразительности и глубине исторической мысли рассказ «Супруги Орловы». Благодаря случайности обнаруживается, что в пылом гребняне сапожнике Орлове, пропадаящем в поезде, живет героическая душа, жила великих дел, полвня. «Горит у меня душа... Хотелось ей простора... чтобы мог я развернуться во всю мою силу... Эхма! сижу и в себе чувствую — необоримо!».

У сапожника Орлова жаждала полвня не имеет ничего общего с той безумной личностью, бесшабашной уалью, ухарством на грани отчаяния, которые охотно изображала старая литература. Орлов мечтает, чтобы крест его могильный был украшен надписью: «Освободил Россию от холеры». Сапожник Орлов мечтает о подвиге во имя общества, народа. «Понимаешь... — говорит он жене, — на это ножей пробойлся бы я... но чтобы с пользой! Чтоб от этого облегчение вышло жизни». Вот куда направлены неукротимые порывы Орлова. Мечты о подвиге Фомы Гордеева, сына волжского володаря Игната, — не плоды отвлеченного честолюбия. «Нужно такую работу делать», — говорил он, двинув бровями, — «чтобы и тысячи лет спустя люди сказали: это вот боролось мужики сделали... да!». Таков героизм народа.

Н. ЧЕТУНОВА

КРИТИК-БОЛЬШЕВИК

Борьба. Упорная, страстная, ожесточенная борьба против всякого и веческого формализма в литературе и литературной критике, против эстетских завываний о «чистом», о «свободном» искусстве, против пассивного отображаательства — за литературу, призванную «добить и похоронить все враждебное людям», за литературу, утверждающую действительность освобожденного труда, — за критику, по-настоящему искусство действительности — вне этой борьбы нет Горьково-критика.

И борьба эта не кончена. Ее надо продолжать. Стоит выдуматься в причине и существе неблагополучия в нашей критике, чтобы это стало ясным. Не случайно так разительно отлагал в самом принципе критических суждений опубликованная 18/VI «Правдой» статья Горького «Молодая литература и ее задачи» от весьма и весьма значительной части публикуемых в настоящее время литературно-критических статей.

Это не случайно потому, что принципы критической работы Горького противостоят критизирующемуся в части нашей критике любованию всякими «литературскими достоинствами» и прочими пропахшими нафталином аксессуарами «эстетической критики», выдаваемыми за самые новейшие изобретения критической мысли.

Горький критик в новых исторических условиях был прямым и непосредственным продолжателем дела великих критиков-публицистов революционной демократии — Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева. Истинную задачу критика, как и литературы в целом, он видел в **воздействии на действительность**: «Надо ли говорить о том, — писал он в 1929 г. в статье «О мечтательстве», — что дело критики, публицистики занять... делом отождествления людей, борьбу против возрождения отравляющей мешанины «идеологий», против героизации «униженных и оскорбленных мещан»?

Анализ и оценка литературного явления всегда и обязательно определялись для Горького тем, как служат эти произведения воспитанию социалистического будущего. Других критериев литературных оценок для великого единomyшленника Ленина и Сталина не существовало. «Мне кажется», — пишет Горький, — «что критика должна рассматривать явления текущей литературы, исходя не из вопроса: насколько та или иная работа спо-

собна воспитать в человеке волю к творческой, культурно-революционной жизнедеятельности?»

Зная, какую волю поднимат против этого «утилитарного» подхода к искусству ревинтеры «свободы» художественного творчества, Горький нарочно подчеркивал именно это неясное ученым эстетам свое требование к критике.

«Ня литераторы, ня критики», — продолжает он свою мысль, — «вопроса не ставлю сознательно и твердо никогда не ставлю, опасаясь пригнать «свободоному песку» дидактический, поучительный характер и тем нарушить его сомнительную «свободу». Однако в мире нет книги, которая бы не уцела чему-нибудь».

В мире нет книги, которая бы не уцела чему-нибудь. О какой бы книге, о каком бы писателе, о какой бы эпохе ни писал Горький, именно этого искусства — искусства учить человека благородным идеалам жизни, борьбе за истину, искал в этой книге, у этого писателя Горький.

«Беспоманно ярко освещая пороки жизни, недостатки людей», — писал он о великих художниках прошлого, — они воспеывали жажду лучшего, они — учили». Горький много и страстно писал о форме литературных произведений, репнтально выступая против всяческих уродств формы, которые препятствовали осуществлению основной и решающей для Горького задачи: служению коммунизму.

Горький требовал от художника воображения, интуиции. Он не уставал бороться против убывающей, как он доказывал, искусство рассудочности, голай тенденциозности.

Но Горький требовал от художника интуиции, не противопоставляя ее разуму, а выясняя реальное содержание разумного, научного понимания мира. «Между наукой и художественной литературой», — писал он, — «есть много общего: и там и тут основную роль играют наблюдение, сравнение, изучение; художнику, так же как ученому, необходимо обладать воображением и догадкой — «интуицией». Воображение, догадка дополняют недостающие, еще не найденные звенья в цепи фактов, позволяя ученому создавать «гипотезы» и теории, направляющие более или менее обоснованно и успешно поиски разума, который изучает силы и явления природы и, постепенно подчиняя их разуму и воле человека, создает культуру, которая есть наша, нашей волей, нашим разумом творимая «вторая природа».

туре о том, как яри и значительны люди, сумевшие даже среди свинцовых мерзостей старой жизни сохранять благородные чувства и устремления. Во всем своем творчестве Горький выступает как подлинный патриот. В противовес дворянской литературе, часто изображавшей людей из народа в виде кружающихся «болых человек», Горький видит в них людей большой силы, ума, предприимчивости, творческой инициативы. В народе живут огромные творческие силы, говорит своему провинциализму Горький. В народе неисчерпаемы запасы активности. Но эта энергия не может найти применения в помещичье-капиталистическом обществе. Иные мужики стали предпринимателями, но тем самым они погубили старую Ате, в ком крепка была связь с народом, в конце концов, с отрицанием и ненавистью поднимались против таких «активистов». Поэтому-то перикари Семенова (повесть «Хозяин»), хотя и гордился успехами своего хозяина-земляка, вскоре начал с ним борьбу всеми возможными средствами. Поэтому-то бунтует Фома Гордеев.

Иаумителен по своей художественной выразительности и глубине исторической мысли рассказ «Супруги Орловы». Благодаря случайности обнаруживается, что в пылом гребняне сапожнике Орлове, пропадаящем в поезде, живет героическая душа, жила великих дел, полвня. «Горит у меня душа... Хотелось ей простора... чтобы мог я развернуться во всю мою силу... Эхма! сижу и в себе чувствую — необоримо!».

У сапожника Орлова жаждала полвня не имеет ничего общего с той безумной личностью, бесшабашной уалью, ухарством на грани отчаяния, которые охотно изображала старая литература. Орлов мечтает, чтобы крест его могильный был украшен надписью: «Освободил Россию от холеры». Сапожник Орлов мечтает о подвиге во имя общества, народа. «Понимаешь... — говорит он жене, — на это ножей пробойлся бы я... но чтобы с пользой! Чтоб от этого облегчение вышло жизни». Вот куда направлены неукротимые порывы Орлова. Мечты о подвиге Фомы Гордеева, сына волжского володаря Игната, — не плоды отвлеченного честолюбия. «Нужно такую работу делать», — говорил он, двинув бровями, — «чтобы и тысячи лет спустя люди сказали: это вот боролось мужики сделали... да!». Таков героизм народа.

Но в жизни-тюре старая Россия народных богатей скван по рукам и ногам. Негде сапожнику Орлову развернуть свою силу необоримо. Прорвался а холеном бараке самоутверженную работу, поразившему всех окружающим, Орлов убеждается, что все равно этим не облегчит жизнь. «Чему радоваться, коли человек выдворен? Жизнь у него хуже холеры судороги, ежели говорить по правде», — «Большая вы лгите», — говорит Орлов врачу, — «а здоровье помирает от тесноты жизни...». Этот Прометей из полвала связан всем строем жизни буржуазно-помещичьего общества. Орлов убожит и с отчаяния сивается окончательно. Погибает и затравленный Фома Гордеев. Его связывает буквально и в более широком смысле Маякиня.

Но Горький рассказывал миру не только о народном благородстве, о стремлении народа к чистой жизни и подвигу, и о прелитястости, с которыми эта мечта сталкивалась в условиях доореволюционной России. В бессмертных образах он показвал пути осуществления мечты, показав героев и идеи нового класса — пролетариата, который возглавлял народную борьбу за свободу, сконцентрировал в своих идеалах лучшие мечты трудящихся, озарил их светом науки и повел народы бывшей царской империи к социализму. Именно в социализме патриот Горький увидел подтверждение своей глубокой веры в замечательные возможности русского народа.

Интересно отметить, что глубокую народность Горького, его интимнейшую связь с родиной отмечал еще Александр Блок, который писал в 1907 году: «Я утверждаю далее, что если и есть реальное понятие «Россия», или лучше — Русь — пр., то есть, если есть это великое, необоримое, проростное, тоскливое и обетованное, что мы привыкли обнимать под именем Руси, — то выразителем его приходится считать в громадной степени Горького, — неосновоуимо, по роковой силе своего таланта, по крови, по благородству стремлений, по «бесконечности идеалов» и по масштабу своей душевной муз — Горький — русский писатель».

Это заявление Блока, сделанное во время, когда все буржуазная печать подвергала Горького травле, говорит не только о самостоятельности, но и о замечательной чуткости поэта. Глаубию Блокковой оценке Горького не может ослабить своеобразие символистского стиля, в котором она дана. Горький со страстью и убеждением отстал вражеские разговоры о «русской обломовщине». Это его убеждение сложилось под непосредственным влиянием Ленина. В одной из статей Горького, написанной в 1913 г. есть такая фраза: «Я знаю хрупкость русского

характера, знаю жалостную шаткость русской души и склонность ее, замученной, усталой и отчаявшейся, ко всякого рода зарамкам». В этой статье («Еще о карамазовщине») Горький протестовал против реакционного замысла писателя изобразить бытовую сторону жизни, «столкнувшись на статью специальным письмом к Горькому, но не мог пройти спокойно и мимо фразы о «шаткости русской души».

В письме от 14 ноября 1913 г. Ленин пишет: «И Вы, зная «хрупкость и жалостную шаткость» (русской?) почему русская? а итальянская? лучше? мешаниной души...» («Вы позволили не «русскую» сказать про душу — только не «русскую», а итальянскую, английскую, но все одним черт, ведь паршивое мещанство олянок гнусно, а демократическое мещанство, занятое идеальным туположеством, сугубо гнусно»).

Борьба с обломовщиной, с мещанством была борьбой за новое, деятельное, гордого человека, о котором Горький писал с большой любовью, борьбой за революцию. Мирозвращение писателя Максима Горького складывалось под непосредственным влиянием его великих друзей — Ленина и Сталина.

Победа революции, превращение бывшей царской империи в великую страну социалистического труда придала патриотизму Горького новую силу убежденности и гордости своей родиной. Если Ленин еще до революции писал о национальной гордости великороссов, гордости Радищевых, декабристов, революционерами-разночинцами, могучей революционной партийной масс, которую великорусский рабочий класс создал в 1905 году, то сколько же оснований было у Горького для гордости родной, победоносно прокладывающей новые пути человечеству! Горький многократно говорит о переходной роли Советского Союза.

Алексеев Максимова очень понравилась книга Сергеева-Ценского «Преобразование» и он писал ему: «Прочитал «Преобразование», обрадован, взволнован, — очень хорошую книгу написали Вы, С. Н., очень! Властно берет за душу и возмущает разум, как все хорошее, настоящее-русское. На меня оно всегда так действует: сердце до слез раду, аикует: ой, как это хорошо и до чего наше, русское, мое!» (Из письма 1925 г.). Через два года в письме в тому же Сергееву-Ценскому Горький пишет: «...очень мы, русские, хороший народ: чем больше жив, тем крепче убеждаюсь в этом».

Эти признания несколько не исключают, конечно, критики недостатков, рекой, большевистско-горьковской, а также насколько не противоречат интернациональному чувству Горького. «Не может быть свободен народ, который угнетает чужие народы», — приводил Ленин слова Маркса и Энгельса. Только интернационалист, уважавший и ценящий другие народы, может по-настоящему любить свою родину, свой народ чистой, искренней, челоичной любовью. Русский писатель, выубиженный в русское слово, Горький еще до революции положил начало тому содружеству разных национальных литератур, которое так блестяще развивается у нас теперь. Известна его забота о переводе на русский язык украинских, грузинских, финских, татарских и других произведений. В 1912 году в письме к руководителю кружка переводчиков с грузинского языка Н. Канделаки Горький писал о большом значении этого кружка, о необходимости начать духовное «собрание Руси»: «Говора о «собрании Руси», я, конечно, не подразумеваю под этим необходимость упрощить гегемонию культуры того или иного племени, входящего в состав разнородной нашей «империи»; я подразумеваю необходимость союза, основанного на взаимопонимании духа племени, исторической работы, совершенной и современной им; союза, основанного на уважении к их законным требованиям свободы самоуправления. Сидел только союз свободных».

Союз свободных осуществился, и для Горького всего важнее стала забота об охране коллективной творческой работы этого союза. В известной статье «Если враг не сдастся, — его уничтожают» Горький напоминает о европейском капитале и помогающий ему внутри страны врагам. «И если, окончательно обуреваемый страхом перед неизбежным будущим, капиталисты Европы все-таки дерзнут посылать против нас своих рабочих и крестьян, необходимо, чтобы их встретила такой удар словом и делом по глумным головам, который превратился бы в последний удар по башке капитала и сбросил его в могилу, вполне своевременно вырытую для него истории».

Все творчество Горького, пример всей его великодушной жизни писателя и борца, является действенным и значительным оружием в патристическом арсенале нашей родины.

Неразрешенные вопросы

П. СКОСЫРЕВ

1. Истоки художественной литературы

История художественной литературы... Источники художественной литературы... Источники художественной литературы...

может вор дубинку украсть. Фальсификатор Кизилово спланировал народную былинку...

Примером подобной злощастной фальсификации народного творчества можно бы привести и больше, но едва ли есть в этом нужда...

2. В последнее время участились издания фольклорных записей...

В последнее время участились издания фольклорных записей, в которых отсутствуют паспортизация записей. Печатаются эти записки, выписанные якобы в такой-то области...

Не меньше недоумения и сомнения вызывает и работа К. Леонтьева, долгое время помогающего сказителю Голубовой. Скажи Голубовой печатается обычная пометка «в обработке К. Леонтьева»...

Наконец, следует остановиться еще на одном явлении, нуждающемся в детальном и серьезном обсуждении. Это явление наблюдается в целом ряде наших республик...

отдельных былин. Было бы ошибкой свести все россыпи былин в одну стройную эпическую песню и выдать ее за создание народа...

В настоящее время оветские научные работники и оветские правительственные органы мыслимо издать и перевести на русский язык нартовский эпос...

Прежде всего, необходимо добиться такого положения, чтобы злощастная фальсификация фольклора рассматривалась всеми нами, как злощастный плагиат...

Кроме того, надо добиться запрещения публиковать непаспортизованный фольклорный материал (т. е. без указания, где, когда и от кого он записан)...

Надо думать, что лучшей формой помощи этой «окраинной» секции Союза будет объединение ее с отделом фольклора, организуемом при Институте мировой литературы им. М. Горького...

В выставочном зале оргкомитета Союза советских художников СССР открылась выставка работ художников Узбекистана, Казахстана и Киргизии. Здесь собрано свыше 200 произведений — живописи, авангарда и графики...

И. ХАЛТУРИН «ПОДАРОК»

При всем жанровом разнообразии детской литературы у нас не хватает беллетристики для детей. Это особенно заметно, когда просматриваешь детские журналы за последние годы...

При такой беллетристической бедности наших детских журналов всякая детская вещь чрезвычайно важна. Поэтому «Подарок» Л. Брандта (автора хорошей книги «Белый турман»)...

Повесть Л. Брандта из современной жизни, но события повести происходят в семье очень современной. Она необычайна — эта семья — и кажется перенесенной в наше время из другой эпохи...

Видите ли, появление ценки в этом доме произвело впечатление разорвавшейся бомбы. «У Тани бесцельно опустившись руки, а у тетки и без того вытупленные глаза, казалось, совсем готовы были выпрыгнуть из орбит, а на щеках то появлялись, то исчезали малиновые пятна»...

Естественный вопрос — кому угнетена ценка? — становится мучительной проблемой, трагедией: быть или не быть? После тяжелых переживаний и драматических событий, Тана обращается, наконец, к своему приятелю по школе Васе Туркину...

Итак, повесть Л. Брандта — это повесть о семье, о семье, о семье. Это повесть о семье, о семье, о семье. Это повесть о семье, о семье, о семье.

что все пловцы и пловцы решили добровольно отдать своих собак, Тана кричит на него: «Вон, вон сейчас же! Ты гад, а не друг! Ты хуже гада. И она с мужеством, достойным лучшего применения, переносит бойкот класса, чтобы только не сделать так, как все. Надо было Тане увидеть, как люди уходят на войну, как матери прощаются с сыновьями, жены с мужьями, узнав, что отец Вася ушел добровольцем на фронт, чтобы эта девочка решила расстаться со своей собакой. Девочка приводит собаку в военкомат, но этот злополучный «политик» ругает нас и вряд ли примирит читателя с героиней»...

Хороший и милый мальчик Вася Туркин, но и он «молчаливый и художественный», живет без матери. Нина Агафья с ее ярким голосом «испокойной истерички женщины», с мужским лицом, «прямая, как солдат», с «нескандальным телом».

В повесть идет врач, «обычно молчаливый, как будто бы деревенский», он странный, как и другие герои. Но, может быть, ему-то и надо было заняться Таней, потому что, много ли поступил от истерички, от болезненного самолюбия. Но тогда надо было просто лечить бедную девочку Таню, а не занимать ее судьбой столько читателей»...

Письма о советском искусстве и чеховском мастерстве

Письмо третье

А. ДЕРМАН

Если говорить о творческих принципах Чехова в пору его полной художественной зрелости, то, несомненно, что они складывались у него в некую систему, более или менее законченную. С течением времени советское литературоведение эту систему приводит в полную ясность; мы довольствуемся лишь ее фрагментами. Однако уже и сейчас есть возможность с уверенностью говорить о чем-то таком, что по справедливости должно быть названо центром, из которого Чехов исходил в своих творческих поисках. Точнее всего этот центр можно назвать творческим курсом на читательскую активность.

В апреле 1890 г., получив от Суворина упрек за чрезмерную объективность в изображении конократов, допущенную Чеховым в рассказе «Воры», писатель возражает: «Вы брадите меня за объективность, называя ее равнодушием к добру и злу, отсутствием идеалов и идей и проч. Вы хотите, чтобы я, изображая конократов, говорил бы: кража лошадей есть зло. Чехов, обобщая положение, формулирует: «Когда я пишу, я вполне рассчитываю на читателя, полагаю, что недостающие в рассказе субъективные элементы он подберет сам».

потому забывает читателя от самостоятельного реагирования. Эта настойчивость советов, до которых, кстати сказать, Чехов был вообще не слишком охоч, свидетельствует о твердой убежденности. Последняя в свою очередь питалась многотелными размышлениями и собственной практикой писателя.

В рамках этих писем я не могу подробно останавливаться на данной теме; замечу лишь, что вопросы поэтики, принципов и приемов художественного творчества, проблемы стиля, — занимали Чехова буквально с гимназических лет; что с этих же лет он обнаруживает совершенное сверхъестественное чутье в данной области. Но что вместе с тем сам он в своей практике нередко отставал от своей же «теории».

Если, однако, говорить не только об общей тенденции поэтики Чехова, но даже конкретно о главных компонентах его мастерства, то никаких сомнений не остается: сдержанность — одна из самых характеристических черт каждого из этих компонентов; расчет на сотворчество читателя, активно воспринимающего авторские «намек», — колыбель этой сдержанности.

Клетчатые панталоны и сигару курит вот так. Больше я от него ничего не добился. И он всегда так высказывал свои замечания: кратко и кратко. Они удивляли и взрывались в память. Антон Павлович точно задавал шарды, от которых не отделился до тех пор, пока их не раздала через себя эта шарда, а раздала только через себя дет при вторичном возобновлении «Чайки». В самом деле, почему я играл Тригорина коротеньким фантомом в белых панталонах и таких же туфлях «взвонд»? Неужели потому, что в перьях влюбленности? Разве этот костюм типичен для русского литератора? Дело, конечно, не в клетчатых брюках, дражных башмаках и сигаре. Нина Заречная, начитавшаяся милье, но пустых небольших рассказов Тригорина, влюбляется не в него, а в свою девичью грезу. В этом и трагедия подлестренной Чайки. В этом намешка и грубость жизни».

И умышленно привожу целиком все это место, чтобы показать, во что разрасталось, в плане творчества, такого рода «намек» Чехова. При этом для нас, для нашей темы, не важно, в какой мере сказана была здесь разность Станиславского, но важно, что Чехов считал, как не важно, что хороший или плохой дуб вырос из данного жюльда, для того чтобы знать, из чего вырастает дубы. Для нашей темы важно то, что «намек» — это в системе Чехова лишь исходный момент для того творческого процесса, в котором огромная доля принадлежит читателю или вообще «потребителю» искусства.

Необходимо лишь сделать весьма существенную оговорку, что, описывая построение образа Чеховым приемами намеков или «шард», как это назвал Станиславский, и такую же работу его над языком, мы менее всего имеем здесь в виду нечто вроде умысленной неясности, искусственного тумана, таинственности, недомолвки и прочего антуража символистского искусства. Как раз напротив: Чехов — это поистине бог ясности в искусстве. Но все дело в том, что он в процессе работы как бы напоминает себе: то, что мне ясно, поймет и читатель по характерному признаку.

Скорее он ухаживал и когда он садился в свой дешевой тарантас и кашлял, то даже по выражению его длинной худой спины видно было, что он уже не помнит ни об Осине, ни о старосте, ни о жуковских недомках, а думал о чем-то своем собственном».

Самое собой разумеется, что «намек», вопреки сейчас приведенному, успешно выполняет свое назначение лишь в том случае, если стоит в ряду других олночных черт, если весь образ составлен из подобных же лаконичных «характерностей», как мозаичная картина — из камешков.

В следующем — четвертом и последнем — письме много будет приведено два-три примера таких исправлений.

В утреннем белом тумане, плотно лежащем по всему полю...

— Брось, в самом деле, дурака ваять... Ты усевал какую-то особую мадеру со мной разговаривать...

— Да, понимаю, такая у нас тут бордель... Все гражданское население мобилизовано...

— Ротин вынул портсигар, в нем были английские папиросы, зажатые вчера в штыковом обмотке...

— Вот! — удивился — Елки точечки, настоящие английские! Откуда? А нам махру выдают...

— Ну, как в общем, живешь, Вася? — Живу сноulichно, — денег нет... Все надоекло...

— Да, понимаю, такая у нас тут бордель... Все гражданское население мобилизовано...

— Ротин вынул портсигар, в нем были английские папиросы, зажатые вчера в штыковом обмотке...

— Вот! — удивился — Елки точечки, настоящие английские! Откуда? А нам махру выдают...

— Ну, как в общем, живешь, Вася? — Живу сноulichно, — денег нет... Все надоекло...

— Брось, в самом деле, дурака ваять... Ты усевал какую-то особую мадеру со мной разговаривать...

— Да, понимаю, такая у нас тут бордель... Все гражданское население мобилизовано...

— Ротин вынул портсигар, в нем были английские папиросы, зажатые вчера в штыковом обмотке...

— Вот! — удивился — Елки точечки, настоящие английские! Откуда? А нам махру выдают...

— Ну, как в общем, живешь, Вася? — Живу сноulichно, — денег нет... Все надоекло...

— Да, понимаю, такая у нас тут бордель... Все гражданское население мобилизовано...

— Ротин вынул портсигар, в нем были английские папиросы, зажатые вчера в штыковом обмотке...

— Вот! — удивился — Елки точечки, настоящие английские! Откуда? А нам махру выдают...

— Ну, как в общем, живешь, Вася? — Живу сноulichно, — денег нет... Все надоекло...

— Да, понимаю, такая у нас тут бордель... Все гражданское население мобилизовано...

— Брось, в самом деле, дурака ваять... Ты усевал какую-то особую мадеру со мной разговаривать...

— Да, понимаю, такая у нас тут бордель... Все гражданское население мобилизовано...

— Ротин вынул портсигар, в нем были английские папиросы, зажатые вчера в штыковом обмотке...

— Вот! — удивился — Елки точечки, настоящие английские! Откуда? А нам махру выдают...

— Ну, как в общем, живешь, Вася? — Живу сноulichно, — денег нет... Все надоекло...

— Да, понимаю, такая у нас тут бордель... Все гражданское население мобилизовано...

— Ротин вынул портсигар, в нем были английские папиросы, зажатые вчера в штыковом обмотке...

— Вот! — удивился — Елки точечки, настоящие английские! Откуда? А нам махру выдают...

— Ну, как в общем, живешь, Вася? — Живу сноulichно, — денег нет... Все надоекло...

— Да, понимаю, такая у нас тут бордель... Все гражданское население мобилизовано...

А. А. Казанская в роли Нины.

М. М. Толчанов в роли Арбенина.

Радиопостановка «Тараса Бульбы»

Драматические радиопостановки, инсценировки лучших произведений великих классиков...

Большие задачи маленькой пьесы

Те можно посмотреть у нас одноактные пьесы? Маленькую пьесу Мерме, Пушкина, Чехова...

В Москве есть Государственный театр эстрады и миниатюр. Зрители охотно смотрят...

В театре имени Евг. Вахтангова молодежь с большим вкусом весело сыграла «Соломенную шляпку»...

Вероятно, С. Михоэлс не одинок в своем титании к малым формам. Можно быть уверенным...

НОВЫЕ КНИГИ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ НАВОИ. Госиздат Узбекстана издает на русском и узбекском языках произведения Алишера Навои...

ИСКАНДЕР-НАМЭ — первую часть поэмы Низами выпустил в русском прозаическом переводе азербайджанский филиал Академии наук СССР...

БОРНИК ЦЫГАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Цыганская секция Союза советских писателей готовит к печати сборник лучших художественных произведений...

КАЛМЫЦКИЙ ФОЛЬКЛОР. Калмгосиздат выпустил на калмыцком языке большой сборник «Халыг фольклор»...

ОДНОТОМНИК ИЗБРАННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИИ И. С. ТУРГЕНЕВА под общей редакцией В. Эйзенбаума...

РОССКИИ ФОЛЬКЛОР. Ушел из жизни выдающийся русский фольклорист Ю. М. Соколов...

РАБОТА С МОЛОДЫМИ ЛИТЕРАТОРАМИ. В Красноярске при крайком ВКП(б) состоялось совещание литературного актива города...

НАЗРЕВШИЕ ВОПРОСЫ. ХАРЬКОВ. (Наш корр.) В Харьковской организации Союза советских писателей Украины есть большая группа литераторов...

ЖИВОЙ ГОЛОС МАЯКОВСКОГО. Маяковский был первым советским поэтом, выступившим перед микрофоном...

НАВСТРЕЧУ ВЕЛИКОЙ ДАТЕ. НОВОСИБИРСК. (Наш корр.) Областное издательство составило план издания к 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции...

ЮБИЛЕЙ Е. М. ЛЮКОМ. Ленинградская театральная община отмечает 50-летие со дня рождения и 30-летие артистической деятельности выдающегося балетного артиста...

ЗАТЕРЯННЫЙ АВТОГРАФ А. П. ЧЕХОВА. Ком авторграфов — «Пером и карандашом». На просьбу Н. А. Лейкина прислать авторграфы откликнулись около 100 человек...

ЗАТЕРЯННЫЙ АВТОГРАФ А. П. ЧЕХОВА. Из сахалинского дневника. 18 сентября. Корсаковский пост. Дописывали в Пушкинском Управлении американские китобои...

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА. 6 № 25

На совещании в Детгизе

На днях коллектив Государственного издательства детской литературы при Наркомпросе РСФСР обсуждал задачи выпуска детских книг во втором полугодии. С сообщением о новых задачах Детгиза выступил директор издательства Л. Дубровина...

НА ПЕРВОМ СЪЕЗДЕ ПИСАТЕЛЕЙ ЛАТВИЙСКОЙ ССР (г. Рига). На снимке: А. Фадеев приветствует съезд писателей Латвийской ССР.

20 лет Марийской АССР

В связи с 20-летним юбилеем Марийской АССР Маргосиздат выпускает много новых книг. В ближайшее время выходят из печати: сборник произведений марийских писателей в переводе на русский язык...

ИЗДАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ КЛАССИКОВ. Государственное издательство Эстонской ССР включило в план этого года два больших сборника: один — литературно-критических статей о различных этапах развития эстонской литературы...

НАЗРЕВШИЕ ВОПРОСЫ. В Харькове творческого разговора о путях развития советского научно-фантастического и приключенческого романа.

ЮБИЛЕЙ Е. М. ЛЮКОМ. Ленинградская театральная община отмечает 50-летие со дня рождения и 30-летие артистической деятельности выдающегося балетного артиста...

ЗАТЕРЯННЫЙ АВТОГРАФ А. П. ЧЕХОВА. Ком авторграфов — «Пером и карандашом». На просьбу Н. А. Лейкина прислать авторграфы откликнулись около 100 человек...

НАЗРЕВШИЕ ВОПРОСЫ. ХАРЬКОВ. (Наш корр.) В Харьковской организации Союза советских писателей Украины есть большая группа литераторов...

ЮБИЛЕЙ Е. М. ЛЮКОМ. Ленинградская театральная община отмечает 50-летие со дня рождения и 30-летие артистической деятельности выдающегося балетного артиста...

ЗАТЕРЯННЫЙ АВТОГРАФ А. П. ЧЕХОВА. Ком авторграфов — «Пером и карандашом». На просьбу Н. А. Лейкина прислать авторграфы откликнулись около 100 человек...

НАЗРЕВШИЕ ВОПРОСЫ. ХАРЬКОВ. (Наш корр.) В Харьковской организации Союза советских писателей Украины есть большая группа литераторов...

ЮБИЛЕЙ Е. М. ЛЮКОМ. Ленинградская театральная община отмечает 50-летие со дня рождения и 30-летие артистической деятельности выдающегося балетного артиста...

ЗАТЕРЯННЫЙ АВТОГРАФ А. П. ЧЕХОВА. Ком авторграфов — «Пером и карандашом». На просьбу Н. А. Лейкина прислать авторграфы откликнулись около 100 человек...

НАЗРЕВШИЕ ВОПРОСЫ. ХАРЬКОВ. (Наш корр.) В Харьковской организации Союза советских писателей Украины есть большая группа литераторов...

ЮБИЛЕЙ Е. М. ЛЮКОМ. Ленинградская театральная община отмечает 50-летие со дня рождения и 30-летие артистической деятельности выдающегося балетного артиста...

ЗАТЕРЯННЫЙ АВТОГРАФ А. П. ЧЕХОВА. Ком авторграфов — «Пером и карандашом». На просьбу Н. А. Лейкина прислать авторграфы откликнулись около 100 человек...

Самые большие тиражи

Какие книги художественной литературы вышли в нашей стране в наибольшем количестве экземпляров? Данные Всесоюзной книжной палаты дают об этом точное представление. За 23 года и три месяца (с октября 1917 до января 1941 г.) «Мат» М. Горького была издана в количестве 1.708.700 экземпляров...

Самые большие тиражи. Наибольшим количеством тиражей выпущен в СССР роман М. Шолохова «Тихий Дон»...

Памятник Н. Г. Чернышевскому. Три года назад, в 110-ю годовщину со дня рождения Н. Г. Чернышевского, Ульяновским комитетом при Ленинградском совете был объявлен конкурс на лучший проект памятника великому революционеру...

Впечатления шведского писателя о СССР. Шведский писатель Эрик Бломберг, возвратившийся на родину после трехлетнего пребывания в СССР, поделился с корреспондентом «Советского писателя» впечатлениями о Советском Союзе.

Затерянный автограф А. П. Чехова. Ком авторграфов — «Пером и карандашом». На просьбу Н. А. Лейкина прислать авторграфы откликнулись около 100 человек...

Юбилей Е. М. Люком. Ленинградская театральная община отмечает 50-летие со дня рождения и 30-летие артистической деятельности выдающегося балетного артиста...

Назревшие вопросы. Харьков. (Наш корр.) В Харьковской организации Союза советских писателей Украины есть большая группа литераторов...

Живой голос Маяковского. Маяковский был первым советским поэтом, выступившим перед микрофоном...

Навстречу великой дате. Новосибирск. (Наш корр.) Областное издательство составило план издания к 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции...

Юбилей Е. М. Люком. Ленинградская театральная община отмечает 50-летие со дня рождения и 30-летие артистической деятельности выдающегося балетного артиста...

Затерянный автограф А. П. Чехова. Ком авторграфов — «Пером и карандашом». На просьбу Н. А. Лейкина прислать авторграфы откликнулись около 100 человек...

Назревшие вопросы. Харьков. (Наш корр.) В Харьковской организации Союза советских писателей Украины есть большая группа литераторов...

Юбилей Е. М. Люком. Ленинградская театральная община отмечает 50-летие со дня рождения и 30-летие артистической деятельности выдающегося балетного артиста...

Затерянный автограф А. П. Чехова. Ком авторграфов — «Пером и карандашом». На просьбу Н. А. Лейкина прислать авторграфы откликнулись около 100 человек...

По советской стране

ИЗ ПИСЕМ ЧИТАТЕЛЕЙ И ОТ НАШИХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ. НАЛЬЧИК. Закончили свою работу семинар театральных критиков, организованный ВТО для национальных республик Северного Кавказа...

Курск. Областная библиотека совместно с издательством выпустила литературный сборник «Июнь». В сборнике повести приняли участие стахановцы городских предприятий, инженеры, техники...

Иркутск. Группы модаловской, русской и еврейской поэтов Молдавской ССР работают над большой коллективной поэмой, посвященной годовщине освобождения земляков от нацистского владычества...

Вясной полане. Недавно исполнилось 20 лет со дня основания крупнейшего в стране литературно-бытового музея-заповедника Л. Н. Толстого в Ясной Поляне...

Парижская богемница. «Собор Парижской богемницы» В. Гюго написан в рекордно быстрый срок — в 5 месяцев. Роман «Отверженные», начатый еще до 1848 г., был закончен лишь в 1861 г. и отягил у его автора почти полтора десятилетия...

Отверженные. «Отверженные» появились в печати одновременно в 11 местах: в Париже, Брюсселе, Лейпциге, Лондоне, Милане, Мадриде, Роттердаме, Варшаве, Пеште, Токио и Рио де Жанейро...

Ученый активно обследует местное население. Одним из самаркандских старожиллов перелет экзепдиции сборник поэм Низами, Саали, переписанный в 1437 году. Книга поступила в музей Навои.

Васильевский. Сценарий — Л. НИКУЛИНА. Режиссер — С. БУБИК. Главный оператор лауреат Сталинской премии — А. ШАФРАН. Звукорежиссеры — В. НЕСТЕРОВ, М. СОБОЛЕВ.

На экраны кинотеатров. Выходит Большой художественно-документальный фильм «Максим Горький»...

Advertisement for the film 'Maxim Gorky' featuring a portrait of the actor and production credits.